

УДК 001.3

DOI: 10.17223/1998863X/60/23

О.Е. Столярова

НАУКА И ИДЕАЛЫ ГУМАНИЗМА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ,
проект № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире:
наука как профессия и призвание».

Обсуждается поставленный И.Т. Касавиным вопрос о соответствии ценностей научного познания и идеалов гуманизма. Показано, что в эпоху Просвещения идея науки и идея гуманизма определяются друг через друга и тесно связаны с трактовкой прогресса как поступательного движения к познавательному единству и социальному согласию. Анализируются условия возможности предлагаемой И.Т. Касавиным трактовки когнитивного многообразия как общественного блага. Показано, что при пошатнувшейся в эпоху постмодерна вере в прогресс ценности научного познания и гуманизма сохраняют взаимосвязь и общественную значимость, хотя и претерпевают трансформацию, которая заключается в смещении акцента с результатов познания на процесс познания.

Ключевые слова: наука, познание, гуманизм, общественное благо, прогресс, когнитивное многообразие.

И.Т. Касавин рассуждает о науке как общественном благе в четырех аспектах – когнитивном, политико-экономическом, моральном и гуманистическом. В каждом из этих четырех аспектов «общественное», как и «благо», обнаруживает разные смыслы и оттенки смыслов¹. Каждый из этих аспектов при желании можно абсолютизировать, подчинив ему остальные. История мысли дает нам немало примеров редукции культуры к одной из ее составляющих – познавательной, этической, телесно-практической и т.п. В тексте И.Т. Касавина на роль приоритетного может претендовать гуманистический аспект, поскольку и когнитивное, и политико-экономическое, и моральное измерения синтезированы в человеке. В таком случае, и в этом, по-видимому, состоит основной пафос размышлений И.Т. Касавина, методология и теоретические результаты науки, этика науки, инженерный потенциал науки должны быть обращены к высшей цели – становлению человека как осознающего себя коллективного и исторического существа. Но как обосновывается ценность этого совокупного человека, или человечества, и как, соответственно, обосновывается абсолютная значимость концепции гуманизма, подчиняющего себе все прочие проявления научной теории и практики? И.Т. Касавин задает похожий вопрос: «Как и насколько наука в состоянии соответствовать ценностям гуманизма, а сам гуманизм согласуется с пафосом научного поиска?». Попытаемся ответить на эти вопросы.

Термин «гуманизм» становится общепринятым относительно поздно, в XIX в., но идеи, которые впоследствии были объединены под именем *гуманизма*, формируются раньше – в эпоху Возрождения и Новое время и восхо-

¹ См. недавнюю дискуссию о науке как общественном благе: [1–3].

дят к латинскому понятию *humanitas*, обозначающему человеческую сущность, культуру и добродетели. В отличие от религиозной, традиционной и корпоративной средневековой культуры светская культура Нового времени утверждает независимость индивида от традиций и авторитетов и объявляет сущностной характеристикой человека и наивысшей ценностью культуры способность индивида руководствоваться естественным разумом, быть самому себе судьей. Наиболее яркое выражение эти идеи получили в эпоху Просвещения. В этот период в основном сложился комплекс идей, который мы относим к концепции и мировоззрению (светского) гуманизма. Просвещение связало автономию человека, его освобождение от власти религии и традиции с продвижением наук и социальным прогрессом. Человек свободный и действующий на основании принципов разума, способный максимально эффективно организовать собственные теоретические и практические усилия, взять под контроль природные и социальные стихии и построить справедливый мир, т.е. мир без неравенства и насилия, – вот идеал Просвещения.

Научное познание и гуманизм оказываются сопряженными, как две стороны одной медали, они определяются друг через друга. Ценность научного познания состоит в том, что наука воплощает действующий и преобразующий действительность разум. Ценность гуманизма заключается в реализации естественной способности субъекта свободно мыслить и правильно действовать. Знаменитая французская *Энциклопедия* (1751–1780) стала проводником этих идей и концепций. Обратимся к «Предварительному рассуждению издателей», написанному Д'Аламбером, которое открывает первый том *Энциклопедии*. В этом «Рассуждении» сформулированы основные принципы просветительской концепции науки. Начиная с ощущения, переходя к систематическому наблюдению, обобщая наблюдения математически и, наконец, наделяя математические конструкции конкретными свойствами природных вещей, человек достигает знания о закономерностях отношений наблюдаемых тел друг к другу: «Познание или открытие этих отношений является почти всегда единственной задачей, которую мы могли бы выполнить и, следовательно, единственной, которую мы должны были бы себе поставить» [4. С. 66]. Задача науки, подчеркивает Д'Аламбер, состоит не в том, чтобы умножать смутные и неопределенные гипотезы, но в том, чтобы, отсекая все лишнее и привходящее в наших наблюдениях, оставлять только существенное, «по возможности сводить большое количество явлений к одному, которое могло бы рассматриваться как первоначало» [4. С. 66]. Прогресс науки Д'Аламбер связывает не с приобретением разнообразных фактов и сведений, но, напротив, с приведением разнообразия опытных фактов к единству: «Единственное средство... – это, по возможности, более накапливать факты, располагать их в наиболее естественном порядке и сводить их к известному числу главных фактов, для которых остальные были бы только следствиями» [4. С. 66–67]. Прогресс науки заключается в том, чтобы посредством математизации опыта привести факты к единству, отражающему единство и порядок Природы, с одной стороны, и единство человеческого разума, с другой стороны: «Мы замечаем два предела, где... сосредоточены все достоверные знания... Один из этих пределов тот, от которого мы отправились, – это идея нас самих, приводящая к идее всемогущего существа и наших главных обязанностей. Другой – это та часть математики, которая изучает общие свойства тел, протяженности и величины» [4. С. 67–68].

Читая «Предварительное рассуждение», мы можем отчасти ответить на вопрос, поставленный Касавиным: как и насколько согласуются идеи гуманизма и идея науки? В просветительской трактовке, которая в определенном смысле остается парадигматической до сих пор, их непосредственная связь не подлежит сомнению. Достижение единства в описании и объяснении естественных механизмов и законов природы конвертируется в достижение единства когнитивных, социальных и моральных оснований культуры. Консенсус человеческих субъектов по поводу того, как устроен мир, преобразуется в интеллектуальное, социальное и моральное согласие. Взаимное обращение идеи гуманизма и идеи науки выражается термином «научный гуманизм», который близок по смыслу термину «натуралистический гуманизм» [5]. На первый взгляд, парадоксально то, что гуманизм находит главную опору в естественных науках, объектом которых выступает природа, а не в социогуманитарных дисциплинах, которые исследуют специфически человеческие феномены, такие как язык, общественная жизнь, религия, философия, литература, искусство. Но гуманизм ищет единообразия и согласованности Разума, а не причудливого разнообразия, произрастающего из субъективных предвзятостей, частных потребностей, эмоционально окрашенных интересов и экзистенциальных переживаний. Искомое единообразие предоставляет нам наука о природе, точнее, она держит его в поле зрения как точку на горизонте и пункт назначения. Не только ожидаем мы от науки разрешения наших споров об устройстве мироздания. Мы также ожидаем устранения несогласий о самих себе как о существах, хотя и принадлежащих природе, но одновременно способных к познанию природы и контролю над ней.

Однако во времена Д'Аламбера и его младшего современника Фихте, чью работу «О назначении ученого» приводит в пример И.Т. Касавин, достижения науки и техники еще не свидетельствовали так откровенно против себя, еще не ставили так отчетливо под сомнение общественные блага, приобретаемые наукой. Касавин справедливо отмечает, что наука при Фихте «еще не попала в центр общественного внимания». Но в центр философского внимания она уже давно попала, лучшие умы человечества видели в ней метод построения справедливого общества и средство достижения всеобщего консенсуса. В центр общественного внимания наука попадает веком-двумя позже и роль в этом играют не только ее успехи. Растут разочарование в ее результатах, когда они признаются недостаточными, и страх перед ними, когда они слишком впечатляющи и чреваты глубокими общественными трансформациями, которые далеко не всегда желаемы. К концу XX – началу XXI в. наука накопила на своем счету изрядное количество общественных претензий. Но «слишком много» дает наука обществу или «слишком мало», не так уж и важно, поскольку эти характеристики относительны. Важно то, что она больше не дает обещаний привести множественный опыт и множественные субъективные индивидуальные и коллективные точки зрения к единству, которое выражало бы внятный и простой порядок природы, с одной стороны, и порядок общественного устройства – с другой. Об этом говорят не только критически настроенные по отношению к просветительской модели науки философы постмодерна, сами ученые признают такое положение дел. Например, крупный биофизик и молекулярный биолог Роберт Синшаймер еще в 1975 г. писал: «Наука существует в человеческом мышлении, и один

факт, который мы безусловно знаем, и который не мог знать Бэкон, состоит в том, что универсум устроен намного более сложно, чем даже человеческий мозг. Мы великолепно справляемся с нашими абстракциями и обобщениями реальности, но истинная внешняя сложность на самом деле значительно превосходит унаследованную нами вместимость черепной коробки» [6. Р. 26]. Известный ученый говорит о принципиальной неспособности науки привести познаваемый мир к единству, потому что наука имеет дело с такой сложностью, которая превышает возможности Метода. И сегодня, спустя 50 лет, мы не можем не признать: наука не делает мир проще, она показывает его сложность.

И тогда вновь возникает вопрос о том, насколько этот новый пафос науки, который И.Т. Касавин обозначил как «расширение когнитивного многообразия» и «производство когнитивного разнообразия», соответствует идеям и идеалам гуманизма? Можно ли защитить ценность гуманизма, опираясь на когнитивное многообразие? Каковы условия, позволяющие нам трактовать когнитивное многообразие как общественное благо?

И.Т. Касавин предлагает ответ на эти вопросы, исходя из эпистемологической, я бы даже сказала, «кантовской» перспективы. Илья Теодорович отправляется не от научной онтологии, а от общего, критического по отношению к научной рациональности, умонастроения постмодернизма, разочарованного в окончательных истинах. Илья Теодорович подчеркивает, что критическая рефлексия заставляет нас все время выходить за пределы результатов познания, подвергая их пересмотру и лишая нас самоуспокоенности и самоуверенности. С этим трудно не согласиться. Действительно, культурный плюрализм и когнитивное многообразие – это визитные карточки постмодернизма. Кризис репрезентации, который Р. Рорти, определил как разрыв «сделки между „познающим субъектом“ и „реальностью“» [7. С. 7], приводит к умножению репрезентаций, знаков и символов, обладающих равной эпистемической ценностью. Отсутствие строгих эпистемических критериев различения истинных и ложных репрезентаций оборачивается плюрализмом в отношении этических и практических позиций. Постмодернизм быстро совершает этот переход. Так, Рорти настаивает на том, что в эпоху, которая распрощалась с идеалами классической рациональности, индивидуальным и коллективным благом становится стремление к умножению и расширению собственных образов. Если раньше человек стремился к самоочищению, к тому, чтобы достичь, отбрасывая все случайное, наиболее простой, прозрачной и понятной идентичности, то теперь он желает включить в самописание как можно больше возможностей, желает непрерывно узнавать о себе нечто новое, целиком посвятить себя любопытству, которое невозможно удовлетворить [8. Р. 153]. И.Т. Касавин так же, как и Рорти, настаивает на том, что сегодня вместо окончательных истин или доктрин, мы имеем дело с «бесконечным поиском самих себя». При этом Илья Теодорович, если я его правильно поняла, сохраняет традиционное противопоставление утилитарного, практически полезного знания и теоретического знания, которое не связано пользой, но принадлежит собственной свободе и из нее исходит. С точки зрения И.Т. Касавина, постмодернизм демонстрирует такого рода свободу, обративши знание само на себя, причем не ради пропедевтики, которая расчистила бы место для положительного предметного знания, а ради процесса

самопознания познающего субъекта. Неутилитарный характер нового критицизма, определенный И.Т. Касавиным как «фундаментализм с обратным знаком», и служит для Ильи Теодоровича тем мостом, который соединяет целеполагание субъекта (и картезианского *cogito*, и кантовского трансцендентального субъекта) с когнитивным многообразием постмодернизма, превращая это многообразие в общественное благо, а науку – в «гуманистический проект».

Концепция И.Т. Касавина свидетельствует в пользу того, что гуманизм не собирается покидать интеллектуальную сцену, несмотря на пошатнувшуюся веру в прогресс науки и общественной жизни. Популярные сегодня дискуссии о пост- и трансгуманизме – это тоже своего рода показатель востребованности гуманистических идей. То, что происходит сегодня в философии человека и общества, следует считать не отказом от гуманистического дискурса, а смещением акцентов: ценность результата уступает место ценности процесса познания, который сам для себя становится целью. Этот процесс формирует и историю науки, и историю человечества, которые, по-прежнему, как и в эпоху Просвещения, определяются друг через друга: ценность науки состоит в том, что она позволяет человеку осуществлять поиск самого себя, ценность человека – в стремлении к познанию и пониманию себя как действующего субъекта культуры и истории.

Литература

1. Fuller S. If Science is a Public Good, Why Do Scientists Own It? // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 4. С. 23–39.
2. Sassower R. The Ubiquity of Public Science // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 4. С. 62–69.
3. Stehr N. Knowledge as a Public Good and Knowledge as a Commodity // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 4. С. 40–51.
4. Предварительное рассуждение издателей // Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера / под ред. В.М. Богуславского. М. : Наука, 1994. С. 55–121.
5. Lamont C. The Philosophy of Humanism. Humanist Press, 1997. 371 p.
6. Sinsheimer R.L. Humanism and Science // Engineering and Science. 1975. Vol. 39, № 1. P. 10–27.
7. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. 297 с.
8. Rorty R. Freud and Moral Reflection // Essays on Heidegger and others. Philosophical Papers. Cambridge : Cambridge University Press, 1991. Vol. 2. P. 143–163.

Olga E. Stoliarova, Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy of Science” (Moscow, Russian Federation).

E-mail: olgastoliarova@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 60. pp. 248–253.

DOI: 10.17223/1998863X/60/23

SCIENCE AND THE IDEALS OF HUMANISM

Keywords: science; knowledge; humanism; common good; progress; cognitive diversity.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00494.

The author discusses the question Ilya Kasavin formulated about the correspondence of the values of scientific knowledge and the ideals of humanism. She shows that the connection between the values of scientific knowledge and the ideals of humanism was laid during the Enlightenment. The ontological concepts of the unity and order of nature are transferred to the concepts of methodology of knowledge, the knowing subject, and society as a whole. From here follows the interpretation of

progress as a linear movement towards cognitive unity and social harmony, which are recognized as public goods. Science today no longer promises to bring multiple experiences and multiple subjective individual and collective points of view into a unity that expresses the intelligible and simple order of nature, on the one hand, and the order of society, on the other. On the contrary, today's scientists, philosophers, and social theorists say that the further science advances, the more cognitive and social diversity we acquire. The article analyzes the conditions for the possibility of interpreting cognitive diversity as a public good. It is shown that with the belief in progress shaken in the postmodern era, the values of scientific knowledge and humanism retain interconnection and social significance. The transformation that they, nevertheless, undergo, consists in a shift in emphasis from the results of knowledge to the process of knowledge.

References

1. Fuller, S. (2020) If Science is a Public Good, Why Do Scientists Own It? *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 57(4). pp. 23–39. DOI: 10.5840/eps202057454
2. Sassower, R. (2020) The Ubiquity of Public Science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 57(4). pp. 62–69. DOI: 10.5840/eps202057457
3. Stehr, N. (2020) Knowledge as a Public Good and Knowledge as a Commodity. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 57(4). pp. 40–51. DOI: 10.5840/eps202057455
4. Anon. (1994) Predvaritel'noe rassuzhdenie izdateley [Preliminary reasoning of the publishers]. In: Boguslavsky, V.M. (ed.) *Filosofiya v "Entsiklopedii" Didro i Dalamberta* [Philosophy in the Encyclopedia of Diderot and d'Alembert]. Moscow: Nauka. pp. 55–121.
5. Lamont, C. (1997) *The Philosophy of Humanism*. Humanist Press.
6. Sinsheimer, R.L. (1975) Humanism and Science. *Engineering and Science*. 39(1). pp. 10–27.
7. Rorty, R. (1997) *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the Mirror of Nature]. Translated from English. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
8. Rorty, R. (1991) *Essays on Heidegger and Others. Philosophical Papers*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 143–163.